

Людмила Литвинова

Милые мои
сочинители!

Людмила Владимировна Литвинова

Милые мои сочинители

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74054312

Милые мои сочинители! / Л. Литвинова: BookBox; Краснодар; 2026

ISBN 978-5-908037-68-6

Аннотация

Моя жизнь поистине счастливая оттого, что Бог дал мне работу с самыми умными, с самыми энергичными, с самыми добрыми – с дорогими моими студентами! Сорок лет я работаю с молодёжью и вижу в этом большую радость! Именно для молодых и творческих была подготовлена эта книга, которая, однако, может показаться интересной многим. О чём она? У меня сложились очень доверительные отношения с моими юными друзьями, с которыми мы искренне обсуждали самый широкий круг вопросов, некоторые из дискутируемых тем я рассматриваю на страницах данной книги. Итак, о чём говорится в ней: об основных принципах развития; о субъекте и процессе творчества; о том, стоит ли писать стихи или лучше развивать в себе креативность другими методами; о необходимости систематических занятий, если взялся «за гуж»; о творческих привычках ярких личностей (Моцарта, Гёте, Чуковского, Фета, Паскаля, Пушкина, Бальмонта, Волошина, Бродского, Чайковского); о том, как достигать в творчестве гармонии; о НЕЙРО и поэтах, заказывающих

у него «свои» стихи; о любви и влюблённости и других факторах, стимулирующих творческий процесс; о гендерных особенностях нашего времени и о том, как они могут в перспективе повлиять на развитие литературы; о буллинге среди творческих людей; о возникновении любовной лирики; о счастье и нравственности; о Лукоморье как творческой составляющей накопителя ноосферы; о богатстве русского языка и «усталых» словах; о графомании; о солнечном Новороссийске и о любимом Дмитрове; о себе как субъекте творчества; о Боге и десяти заповедях как основе творчества и развития в целом. Книга структурно представляет собой сборник отдельных эссе и заканчивается коллекцией рассказов-зарисовок «Вышка» о конкретной студенческой группе. Весь материал преподнесён легко, с юмором и авторскими стишками. Желаю приятного и полезного прочтения!

Содержание

«Пора размять пальцы, Вольфганг!»	6
Атласный халат и шёлковый жилет	18
Процесс и субъект творчества на личном примере	24
Введение	24
1. Центральная ось любовной лирики	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Людмила Литвинова
Милые мои сочинители!
BookBox

© Людмила Литвинова, 2026

© Издательский дом «BookBox», 2026

«Пора размять пальцы, Вольфганг!»

Эссе

Друзья мои, всем большой-пребольшой приветище! Ага, «приветик» вас радует, а «приветище» шокирует! Но «приветик» – это так, маленький футлярчик для кольца, а «приветище» – целая фура с Колымы, битком набитая золотом! Нет? Тогда вот вам и «приветик-секретик»: здесь мы сталкиваемся с интересным явлением – влиянием звука на наш мозг. «Приветик» им воспринимается как «розовый букетик», «счастливый билетик», «мятных конфеток пакетик». А «приветище» – как «чудо-юдище», «поветрище» и «волчище в рубище»! И мы помним об этом в нашем сочинительстве. Кстати, мозг Моцарта боялся звуков трубы. Можем ли мы предположить, что гений имел и другие фобии? Возможно, постановочная мистификация с приходом умершего родителя-заказчика «Реквиема» вызвала у композитора смертельный страх? На волне ревности, обострения болезни, усталости от работы и от зависти коллег к триумфу «Волшебной флейты» – вполне возможно. Ах, вас, оказывается, шокирует погодный «приветище»! Я полагала, что меня уже не изумит в этой сфере ничто, но выхожу на балкон – после майской метели со штормовым ветром – на улице 18 граду-

сов. Дети, в лёгких рубашках с коротким рукавом, прыгают внизу через поваленные кусты уже распустившейся сирени, при этом метают друг в друга снежки – из сугроба под забором! Как вам такая картина?! Однако пора начать лёгкий разговор о важном в творчестве. С вашего позволения, мне бы хотелось нынче быть Леопольдом Моцартом, который каждое утро, слегка побрившись и надев задом наперёд кургузенький паричок, бодро восклицает игривым тоном: «Пора размять пальцы, Вольфганг, мальчик мой!» Вы удивлены, не понимаете, что между нами общего? О, очень много схожего! Первое: мы оба трепетно любим искусство. Второе: оба обладаем большим педагогическим опытом. Третье: я долгие годы преподавала теорию менеджмента, а он его успешно реализовывал на практике для продвижения сына. Четвёртое: мы оба считаем, что «первым делом самолёты, а девушки – потом». Пятое: оба обожаем Вольфганга! Довольно? А теперь поделюсь мыслями о том, что меня побудило к беседе на «разминочную» тему. Во-первых, приглашение поучаствовать в проекте, где будут изданы и классики, и современники со своими литературными «отходами» (моё определение). То есть планируется представить то, что писалось не для читателя, а просто чтобы «размять пальцы». Во-вторых, вы постоянно «бормочете» про фантазмагорические причуды: моду и вдохновение, а я неустанно «талдычу» про фундамент творчества – терпение и труд. Хорошо, прибегну к такому «стерильному педагогическому инструменту», как

великий Александр Сергеевич, который считал, что «вдохновение – это умение приводить себя в рабочее состояние». Убедительно? То-то. И, наконец, в-третьих, кто-то из вас, из «особо одарённых», разумеется, попытался и моё скромное творчество расценивать как продукт только воодушевления, считая, что я писала мало, ибо ориентировалась исключительно на вдохновение. Сразу спрошу: «А что лучше: писать много, но плохо или мало, но хорошо?» Открою «роковую» тайну: мне пришлось значительный период жизни работать в нескольких университетах, помогая и детям, и себе, не имея времени ни для творчества, ни для личной жизни. И сейчас говорю об этом спокойно, не жалуясь, ибо «всё, что не убивает нас, делает нас сильнее». Тогда я была полностью согласна в оценке трудностей с Ницше. Но сегодня я думаю по-пушкински, что «счастье есть лучший университет». Однако и в то, тяжкое для меня время я регулярно «разминала пальцы» и сегодня представлю вам один из моих «литературных отходов». Друзья мои, возвращаюсь к Александру Сергеевичу, который много исследовал жизнь Моцарта, благодаря чему, видимо, через временное пространство два гения пожали друг другу руки, но, боюсь, Моцарт не ответил на вопрос Пушкина потому, что сам не знал, кто отравлял его, и Пушкин изложил свою версию убийства. Давайте попытаемся понять, как поэт работал. Творческий процесс он оценивал именно как работу. У него были приятные для сочинительства времена года. (Мною замечено, что легче пи-

шется в январе, апреле, июле, октябре.) Его творческий метод называется «дедуктивным», то есть сначала он набрасывал «скелет», затем одевал его «мягкими тканями и кожным покровом», а после прорисовывал «жилки», «поры» и прочие мелкие элементы. Но ведь так классики не только пишут, но и рисуют: вначале общий контур головы и всех деталей в нём, а затем – прорисовка, на каждом новом витке – всё более тщательная. А ведь некоторые сначала полностью закончат правый глаз, потом к нему – левое ухо, второй глаз приходится из-за недостатка места расположить вертикально, а нос сплюснуть до самого рта, так как он уж совсем не входит. Чтобы хоть как-то отделить рот от носа, нельзя не пририсовать ус, похожий на дождевого червяка, ползущего в широкую ноздрю. Ну а картину приличествует назвать «Квазимодо ранили». Смешно, но всегда найдётся чудак, который заплатит за этот, по сути, брак 100 тысяч долларов! Пушкин любил работать в первой половине дня, вдохновляясь набросками оружия, портретными зарисовками и... грызением пера (друзья, вас не удивляет, что печатный станок был изобретён Гутенбергом ещё в XV веке – сложная машина, изготовление шрифта чего стоит, а в XIX веке даже цари писали ещё перьями!). Он не ждал особого воодушевления, как и Моцарт, садился и работал. Творчество, на мой взгляд, волшебная, но сложная и энергозатратная игра Творца с творением, наполненная «истинным воображением» и «гениальным знанием». Эта игра вся – счастье, несмотря на

напряжение (как ракета силится до тряски перед взлётом). А нетворческие организмы клеймят гениев, поработавших на человечество, «сумасшедшими» (недавно читала о Микеланджело: не общителен, то есть не тратит время на глупцов-«крейзи», заиклен на искусстве – «шиза»!). Не будем обсасывать сахарную косточку, рассуждая, что Пушкин был нетвёрд в орфографии, не дописывал окончания слов, игнорировал знаки препинания, чтобы из зеркала не вылезла «рожа крива». Вас интересует моё мнение о смерти Моцарта? Друзья, Пушкин, вероятно, опирался на информацию из церковных записей о словах священника, которому Сальери во время исповеди признался, что отравил Моцарта. Он говорил об этом и в лечебнице для умалишённых. Сейчас сложно об этом судить, возможно, это был плод душевной болезни Сальери. Также сложно обвинять его в том, что он был автором постановочной мистификации с заказом «Реквиема». Но в чём я не сомневаюсь, так это в том, что Сальери убивал Моцарта завистью – чудовищной разрушительной силой («не завидуй» – десятая заповедь). На любого, даже микроскопического, Моцарта найдётся Сальери, который сразу почувствует гения, опалённого небесным огнём (а если у завистника будет хотя бы маленький кусочек власти?). Есть мнение, что он завидовал и своим ученикам Шуберту и Бетховену. А Моцарту, возможно, не мог простить, что заказ на оперу «Милосердие Тита» достался Вольфгангу, а не ему, знаменитому иностранцу из «оперной» Италии! Возможно,

не мог забыть, что Моцарт на спор сыграл на клавире сложную пьесу для четырёх рук, один, используя свой длинный нос вместо второй пары рук! Вы удивлены? Но ведь отец научил Вольфганга ещё в детстве играть на клавире с завязанными глазами! Игра была основным методом педагога Леопольда. Похороны Моцарта – это апофеоз творческой зависти Сальери, который не дал ни гульдена на погребение гения, считавшего его своим другом, вместе с ним пил-ел, вместе с ним музицировал – возможно, это и привело завистливого итальянца в конце жизни в психиатрическую лечебницу, потому что ему, вероятно, постоянно виделось, как закапывают великого Моцарта без гроба во рву с другими бедняками. Надо, справедливости ради, заметить, что в жизни Вольфганга были люди, которые разглядели в нём чудесное явление мировой культуры и помогали ему. И Моцарт, в знак благодарности, многих «кормил» на протяжении веков: книги о нём, диссертации, фильмы, престижные оперные партии, концерты. Уж коль мы говорим о композиторах, на ум приходит такой факт: Сергей Рахманинов для поддержания профессиональной формы играл каждый день по два часа на рояле. В наших поэтических занятиях важен «кулак»: звук, ритм, мысль, чувство, художественный «изюм». Не будем забывать, друзья, и про развитие интеллекта, чтобы не приключилось казуса: овладеем техникой стиха, а сказать читателю нечего, кроме «супероригинальности», что соседствует часто с вульгарностью. В завершение предлагаю вам

один из моих поэтических «отходов», похожий на венок сонетов. Правда, утрачены его начало и конец. Это было написано в холодной электричке 28 марта 2001 года по дороге в Савёлово и обратно. Туда я ездила читать лекции в филиал Университета приборостроения и информатики. Эти наброски назывались «Времена года», однако сегодня я бы их назвала «Моцарт играет на флейте, чтоб мы не замёрзли в пути». Закончить нашу встречу хочется пафосно: «Терпение и труд всё перетрут!»

08.05.2025

3.

Талант – не деревенский раб без прав,
Он дирижёр капелей полуночных,
Взмах палочки – и, ото сна восстав,
Невидимая жизнь ростки пускает в почве!

А в тёмном небе, среди горящих точек,
Заполнив все прогалины в мирах,
Иная жизнь, что обращает в прах
Галактик строй – в пылающие клочья!

О горние и дольные селенья,
Прозрачность дали, и капель сердцебиенья,
И над землёю пар – подобие дыханья!

Талант удержит толщу облаков,
Талант усвоит опыт всех веков,
Талант не что иное, как фундамент мироздания!

4.

Талант не что иное, как фундамент мироздания.
Есть одарённость, есть талантливость, есть гений —
Основа творчества из трёх ступеней —
Души, бессмертной, три различных состоянья.

Жасмин уже отцвёл, идёт благоуханье
С куста шиповника, и от пыльцы растений
Першит в носу. Ни тени увяданья
В потоках трав средь тёплых дуновений.

Ты можешь быть пчелой? Гудеть самозабвенно,
Из горлышка цветка ползти, пугаясь плена,
И снова застревать – напрасны все старанья!
Талант любой пчелой войдёт в любой цветок,
Он в них живёт давно, ведь имя его – Бог.
Ты жил в том мире, где в чести лишь званья.

5.

Ты жил в том мире, где в чести лишь званья, —
Тебе ли знать, что от таланта Бога
Рождается другой талант? Начертана его дорога,
Где много счастья, много и страданья...

О флейта, о царица, ожиданья
Застыли в скорбной позе у порога!
Улыбка – и мажорный взлёт желанья,
И пусть глядят завистливые строго!

Надменным, не понять им до конца,
Как гений славит замыслы Творца
И сам творит, Его душою став!
Как бражный дух стоит в трактире,
Гордыня прижилась в твоём убогом мире,
В нём ценности вселенские поправ.

6.

В нём ценности вселенские поправ,
В немудром мире правит мудрованье,
В нём и таланту сочинён устав,

Исчислен потолок для творческого зданья.

Но лето на исходе, опозданья
В природе не найти. И запах трав
У коноплянки помутил сознание,
Вспорхнув с плетня, как будто бы упав,

Она глазком косится на усы
Снопов, уже просохших от росы.
Пёс вразумляет пташек: гав да гав!
Для ягод и грибов корзинок не хватает —
Лесные чащи никого не обделяют,
Не ведая, кто честен, кто лукав...

7.

Не ведая, кто честен, кто лукав,
С рожденья всех природа наделяет:
Таланты раздаёт – алмазы без оправ,
Оправит тот, а этот закопает.

В пивную входит толстый «граф»,
За кружкой так себя он называет,
А сам – гуляка, плут Фальстаф, —
Талант, как пиво в бочке, тает!

А этот сохнет – серый Богомол,
От зависти к приятелю он зол
И бастионы муз штурмует силой знания!

Вредители: гордыня, зависть, лень,
Где жил талант – торчит трухлявый пенёк,
Не различая сути и названья...

8.

Не различая сути и названья,
Являет роза суть – тончайший аромат,
А сгорбленная Роза, запнувшись о вязанье,
Упавший гульден ищет, зовёт помочь внучат.

Их спрятал от старухи листопад
В широких складках шутовского одеянья.
Уж отцветают розы за кружевом оград,
И тёмный кипарис совсем как изваянье.

Не видно лебедей, озёра опустели,
Их воды тёмные от листьев пожелтели.
Охота удаляется, трубя.
Площадка для оркестра, промокшая, в опале, —
Плутрам до весны стоять в дворцовой зале,
Там, в «центре мира», выставив себя.

9.

Там, в центре мира, выставив себя,
Козявка к алтарю идёт с букашкой,
Напудренный парик, помахивает шпажкой, —
Весёлые картинки для ребят.

Мороз трещит! Как жалко воробья!
Дышите на стекло! Озябшей малой пташкой
Сердечко сжалось детское, любя.

Атласный халат и шёлковый жилет

Эссе

Друзья мои, обращаюсь, как всегда, не только к моим студентам, но и к остальным читателям, сегодня так дождь стучит по уцелевшим листьям, как будто идёт многотысячный строй маленьких барабанщиков! Да и сами эти мокрые листья похожи на жёлтую избитую кожу барабанов! В такую погоду только надеть атласный белый стёганный халат, как на портрете у Гёте, налить какао в красивую кружку с лисой, понаблюдать за трепетной, словно живой, пенкой на поверхности напитка и... помечтать о небесных крендельках! Вы довольно скажете: «Ага, с халатом разобрались, а что делать с жилетом? Или его надеть под халат для большего сходства с Гёте? Или, может, – сверху на халат?» А почему бы и не надеть! Старик Гёте, конечно, был бы удивлён такому модному трюку, но в мире фантазий и вымыслов – всё в наших руках, даже ключики от рая!

Итак, в понедельник вы меня спросили, что я сейчас читаю. Вот именно сейчас у меня на столе лежат две книги, обе найденные мною в семейной библиотеке после уборки, которую я совершаю несколько раз за жизнь. Одна, карманного размера, книжечка стихов Гёте в переводах русских поэтов, давно подписанная мною так: «Дорогой сыночек! Поздрав-

ляю тебя с праздником „Последний звонок“ и дарю книжицу стихов твоего любимого поэта: „Природа-мать, ты вся любовь! Сосу я грудь твою!“ Желаю тебе до „последнего звонка“ помнить об этом источнике нашей силы!» Друзья мои, я на правах вашего старшего друга не устаю говорить, что вдохновение надо получать из природы, любви, дружбы, а не из наркотиков и алкоголя! Поверьте хотя бы Гёте!

Вторая книжка – старая, ещё 1979 года издания, написанная Эмилием Миндлиным, назвал он её «Необыкновенные собеседники». И заложена она у меня закладкой на статье «Корней Чуковский». Да, да, Вы потрясающе догадливы, дорогой Ватсон, шёлковый жилет принадлежит именно детскому сказочнику (будем думать, что в такой волшебный вечер с нами пьёт какао и доктор Ватсон)!

Я очень люблю творчество и Гёте, и Чуковского. Однако что общего у Иоганна Вольфганга фон Гёте, сына имперского советника, и «легкомысленного одессита» (сам Корней Иванович так себя называл) «с добродушным плебейским носом» (оценка Э. Л. Миндлина), который даже не знал, кто он: русский, еврей или украинец. Я себе это объяснила быстро и традиционно для моих взглядов: «Оба – жизнелюбивые дети жизнелюбца Моцарта!»

Не буду долго живописать, как я с одинаковым упоением с детства читала «Лесного царя» и «Федорино горе», а строки «На старой башне, у реки, дух рыцаря стоит» и «Он ударил в медный таз и вскричал: „Кара-барас!“» – в равной степе-

ни горячо волновали мою юную душу! Перехожу непосредственно к жилету. Миндлин пишет: «...закончив рассказ о портрете, он вдруг распахнул пиджак и сразу переключился на свой, вывезенный из Англии, красный жилет с золотыми, кажется, пуговицами. Жилетом этим я восхищался каждый раз, как видел его на Корнее Ивановиче...» Интересно, кому ещё к лицу был бы такой шикарный жилет? Думаю, франтоватому стилисте Чёрному Барту, Гофману и Мышиному королю, в глазах которого золотые пуговицы отражались бы в виде аппетитных сырных голов! У меня имелся подобный любимый жилет в юные годы – с золотыми пуговицами и с вышитой выпуклой гроздью винограда, но не красный, а из тёмно-зелёного бархата, к сожалению, из-за плюшек с годами возникли непреодолимые препятствия для встречи петелек и пуговиц! Э. Миндлин сообщает интересные факты и относительно спора о моём любимом Фете. Паустовский считал: Фет мудр потому, что прекрасен. А Чуковский доказывал: Фет прекрасен потому, что мудр. «Какими категориями люди мыслили! Какие были лбы! Какие черепа!» – шепчет себе под нос доктор Ватсон.

Друзья мои, я слушаю шум дождя и смотрю на две книги, лежащие на моём круглом «писательском» столе, на нём действительно было написано 90 процентов моих произведений, по этой логике меня можно смело называть «классиком», потому что 50 процентов своей жизни я провела в классе! Закрываю глаза, отхлебнув горячего какао, и ви-

жу, точнее, «кончиками ушей» чувствую, что за этим столом сидят два старика: один – в атласном белом стёганом халате, другой – в красном жилете с золотыми пуговицами. Оба слышат, мягко скажем, слабовато. Тот, что в халате, говорит: «Мир так велик и богат, а жизнь так многообразна, что никогда не будет недостатка в поводах для стихотворений». А тот, что в жилете, отвечает ему: «С одним я не согласен – с Вашим отзывом о Фете. Насколько я помню, о его философии писал ещё Вл. Соловьёв в сборнике „Философские течения в русской поэзии“». Первый старик с напором продолжает: «Однако все они должны быть стихотворениями на случай, то есть повод и материал для них должна давать действительность». Второй старик, помолчав, добавляет: «Да и можно ли назвать нефилософом человека, написавшего „Измучен жизнью, коварством надежды“. Он был учеником Шопенгауэра...» Старик в халате, казалось, вздрогнул испуганно, услышав эту фамилию, и закончил решительно свою мысль: «Все мои стихотворения суть стихотворения на случай, все они вызваны действительностью и глубоко в ней коренятся. Стихи, взятые из воздуха, я не ставлю ни во что». Старику в жилете послышалась обида в тоне собеседника, и он, виновато покрутив золотую пуговицу и шмыгнув добродушным носом, примирительно сообщил: «Насчёт старости я с Вами совершенно согласен. Начиная с 80 лет до сих пор я чувствую себя великолепно счастливым. В эту пору я написал новую книгу и переработал две другие. И стал

вдесятеро добрее, чем в юности. И острее чувствую красоту осеней, вёсен и зим...» Старики дружно вздыхают, и я слышу, как за стуком дождя тает лёгкий шелест шёлка и атласа. Открываю глаза – на великолепной салфетке с изображением осенних листьев и гроздьев винограда лежат две книги...

А дождь всё стучит... О чём я сегодня расслышала в маленьком театре у большого круглого стола? О том, что свыше нам дана способность к творчеству, которая может расширить наш горизонт мышления хотя бы до размеров галактики! Эта способность не даёт нам стать роботами, закликивающимися на гаджетах и на зарплате! У великих мастеров творчество, простое по форме, обладает глубиной Марианской впадины! А простота формы (не примитивность, а простота) – это недостижимый для многих Эверест!

И закончу сегодняшний дождливый вечерочек моими строчками, сложившимися во время солнечной прогулки, памятуя о том, что многие мои стихи, по вашим отзывам, вам понравились. И это приятнее какао!

Меж ветвей золотые синички
То трепещут, то к низу скользят,
Желтизну их, как лист, по привычке
Отмечает восторженный взгляд!

Очень хочется душу наполнить
Небом, цвета ультрамарин,
Все заветы от Бога исполнить

И дожить до премудрых седин!

И терпенью с азов научиться,
И в труде видеть радости свет,
А терпенье всегда пригодится —
Так учил меня азбуке дед.

26.10.2024

Процесс и субъект творчества на личном примере (всем моим пишущим студентам)

Введение

У меня сложились добросердечные и доверительные отношения с моими студентами. Некоторые из них, полагая, что стихам присущ определённый алгоритм, хотели бы получить от меня подсказки к его поиску (как они любят получать от меня подсказки при решении логических задач). Это и побудило меня поделиться своими скромными наработками в осмыслении творчества как процесса и себя как субъекта творчества в этом интересном процессе. Давайте выясним сразу, какой мотив подвигает нас к занятиям стихосложением. Предлагаю выбрать, как в тесте:

1. Хочу прославлять Бога.
2. Хочу поделиться своей радостью.
3. Хочу поделиться своими идеями.
4. Для саморазвития.
5. Хочу обратить на себя внимание девушки, в которую влюбился.
6. Хочу снять эмоциональное и сексуальное напряжение.

7. Хочу прославиться.

8. Хочу заработать: есть редактор – собу... в смысле – то-варищ за трапезой.

9. Хочу доказать, что это просто – иметь такое хобби.

10. Хочу утереть нос всем (родителям, друзьям, девушке).

11. Хочу зарифмовать прозу, чтоб меня считали не только прозаиком и публицистом, но и поэтом.

12. Хочу быть жрецом поэзии, так как больше ничего в жизни не умею.

Выбрали. Или добавили свой мотив. Этот список составлен мною не случайно: вверху, на мой взгляд, наиболее высокие мотивы, внизу – наиболее низкие. «Как?! А двенадцатый?» – воскликнете вы. Об этом лучше спросите тех, у кого больше ничего нет. А у меня есть – Бог, и поэтому – «весь мир в кармане», и для меня важнее всего – Божьи заповеди, соблюдение которых, кстати, помогает мне и в творчестве.

Итак, мы выбрали мотив, тем самым выбрав и уровень творческого целеполагания. Моё творчество – это творчество радости и идей, в нём нет ничего трагического. За долгие годы мною было написано: один роман, две поэмы, одна пьеса, две сказки, 14 рассказов, штук 200 стихов (не считаю тех тысяч, какие полетели в мусорную корзину). Мало? Возможно. Но в какой-то стране, где ценится творческая сублимация идей и радости, это уже бы называлось «литературно-художественное наследие», а у нас, в России, это «просто милый пустячок». Смогла бы я написать больше, если бы

мне не довелось так много работать, чтобы выжить с двумя детьми? Вряд ли. Это в «творчестве событий» пишется много, а «творчество идей» не столь плодовитое.

Вернёмся к нашей «диагностике». Творчество тесно связано с «комплексом удовольствия», человек, написав удачное стихотворение, испытывает маленький оргазм. Если вы чувствуете, что творчество выходит из-под контроля, и вас затягивает так, что у вас не хватает сил (стихосложение – весьма энергозатратный процесс) и времени на стареющих родителей, на учёбу, на любимую девушку, – лучше волевым усилием отказаться от сочинительства, есть другие (менее опасные) сферы приложения творческой энергии, например музыка, рисунок и живопись (правда, придётся раскошелиться на краски). Если же вы видите, что «бермудский треугольник» – ритм, чувство и мысль – вас полностью поглощает, а вы не уплываете в сторону – боюсь, что это начало ваших бед. Творчество как процесс должно жёстко вами контролироваться. Сразу открою своим молодым нетерпеливым друзьям секрет: чтобы освоить хотя бы столь скромный уровень, который удалось освоить мне, нужно писать долго. В стихосложении, как в дыхании, есть процессы, требующие автоматизма. Но если в дыхании они даются с первым нашим криком – приветствием нового, сухого мира, то в стихосложении они приобретаются трудом и годами (моя любимая пословица: «Терпение и труд всё перетрут»). Нравится ли вам эта народная мудрость? Или она вам не близка, вам

понятней: «Пришёл, увидел, победил», и вы азартно бежите за редкой рифмой, как осёл за морковкой, привязанной на палочке к его ошейнику? Мда... А вы когда-нибудь задумывались, почему жизнь многих известных поэтов была, мягко говоря, трагичной? Случалось ли вам пораскинуть мозгами, почему они были несчастны и развратны? (Лучше: «развратны и несчастны», чтобы определить последовательность причинно-следственной связи.) Не хочу обидеть фанатиков поэта Сергея Есенина, несколько стихов которого и мне нравятся (хотя они не стоят тех слёз, которые пролили брошенные им жёны и дети), но, когда я пытаюсь представить его образ, у меня не возникает видение белокурого улыбчивого паренька в вышитой косоворотке, бредущего по розовым полям иван-чая. Передо мной встаёт одутловатое злое лицо с набрякшими веками, склонившееся над донжуанским списком для новой записи. А ведь звучат голоса: «Жил, как поэт, и сгорел, как поэт, ради нас!» Нет, друзья, не ради нас, а ради своего тщеславия и из зависти. Вспоминается оценка свидетеля его жизни Ахматовой: «Жил страшно и умер страшно». Не верится, что они падшие развратники, ведь нам в школе не говорили: «Ребята, многие из них – сифилитики и параноики с белой горячкой!», а учили, что они умные, классные, добрые, гениальные! Мы никогда не сдвинемся с мёртвой точки, пока не научимся правдиво оценивать себя и нашу культуру. Давайте разберёмся, что же с ними произошло, не для того, чтобы заклеить их (мы не будем никого

осуждать), а для того, чтобы предотвратить вас от болезненных падений. В обществе скрывали их аморальность, вообще в обществе мало говорили о нравственности, что привело к тяжким последствиям: техника настолько начала опережать мораль, что мир стремительно покатился к хаосу. Друзья мои, если вы скажете: «А вот ведь знаменитые русские поэты Иванов, Петров, Сидоров были высоконравственными личностями, да и писали хорошо!» – не только поспешно, но и с большим удовольствием сниму перед вами шляпу, а тем более перед ними!

Итак, в поэзии есть такое понятие: «вдохновение» (не рассматриваем сейчас другие виды творчества, где оно тоже важно). Человек, опытный в стихосложении, знает, как «обращаться» с вдохновением, но и у него сдают порой нервы, хочется ещё, ещё, ещё, чтобы поражать соперников, чтобы раздражать свой «комплекс удовольствия». А вот не пишется, и всё тут! Надо подстегнуть вдохновение! Как? Приёмы древние: алкоголь, наркотик, блудницы, разного рода плотские утехы. В моём романе есть часть, которая называется «Сибирская история из чайной коробки», где я анализирую два творческих пути: Моцарта и Сашки Баркова (вообще, в «Майонезове» много размышлений на тему творчества). Моцарт с детства приучен к обязательному регулярному творческому труду – садится к роялю и сочиняет. Это тяжёлый, тернистый, «узкий» путь. Сашке Баркову нужно «разогреться» перед творческим актом – выпить бутылку

водки. К сожалению, это «широкий путь» творчества, ведущий в ад: запои, разрыв семейных связей, проститутки, наркотики, лечебница, срывы, загулы, петля, револьвер.

Если мне не удалось нагнать на вас страха, молодые стихотворцы, то перейдём к следующему моменту. Мотив творчества выбран, целеполагание определено, что ещё нужно? Наверняка вы читали многочисленные сегодня слабые стихи, прославляющие Бога. Цель высокая, а уровень мастерства авторов низкий. Вот «мастерство» – это и есть, точнее, съесть семь пудов соли и при этом остаться человеком. Задача, без Бога не выполнимая. Чем больше вы будете заниматься поэтическим творчеством, тем дальше вы будете погружаться в мир невидимый. Потому что стихи – это стихия, это творческая энергия, которой наполнен мир. Задача поэта – принять её и пропустить через ум, душу и сердце, задавая им ритм, мысль и чувство. Чтобы на выходе были красивые, умные, мелодичные стихи, сами скажите, какими должны быть ваши «инструменты»: ум, душа и сердце? Вот-вот. А что вас ждёт в мире невидимом, в который вы так бодро устремились? Ваша голова, наполненная ритмами, сияет, как маяк, и это не поэтический образ: к ней можно подключить несколько лампочек, и на этот свет слетаются сущности мира невидимого: как позитивные, так и негативные! Какие из них будут контролировать ваше творчество и способы его вдохновения? Не приведёт ли этот опыт к психическим проблемам? И маститые с ума сходили! Я начала заниматься

творчеством очень рано, в восемь лет у меня уже было ясное понимание, что я обязательно напишу книгу, я ещё не знала, как она будет называться, но знала, что она будет сказочной, умной, доброй и весёлой (этот момент описан мной во встрече академика Войшило и Люнечки в «Мостиках Фемистоклюса»). Я постепенно заходила в мир невидимый, мелкими шажками, что давало мне возможность осмотреться в этом чудном пространстве. Мне не хотелось ничего из перечисленных выше мотивов. Только одно влекло меня туда: научиться писать и написать книгу. Книга получилась со стихами, но в прозе. А мы начнём анализ «вишенки на торте».

1. Центральная ось любовной лирики

Более пяти тысяч лет назад зародилась так называемая трудовая поэзия, её технические приёмы (диалоги, повторы, рефрены, ассонансы, аллитерации) и унаследовала любовная лирика. Крестьяне, рыбаки, ремесленники создавали поэзию Древнего Востока, которой была свойственна полярная двучленность: один полюс связывался с Землёй, полной трудов и страданий, а второй с Небом, сказочной, нечеловеческой средой. Эта традиция характерна и для любовной лирики. Из трудовой песни сначала выделилась тема воспроизведения жизни как таковой, а затем она начала обрастать темами влечения, эротического соблазна, любовной страсти, ревности, соперничества, свадеб и семейной жизни. И так всё получалось красиво, что зародилась гармония между звуком, чувством и мыслью, и эта гармония послужила поводом для восприятия любви как небесной силы, которая то мучает, то окрыляет. Постепенно космическая любовная сила обособилась от космоса, примкнула к традиционным земным стихиям, а в античности даже персонифицировалась в образе Эроса.

Здесь можно было бы по первому параграфу поставить точку, сделав короткий вывод: центральной осью любовной лирики является тонкая нежная эротика. Но я не сразу пришла к этому простому выводу. Когда-то я писала то, что пи-

шут миллионы юношей и девушек, и то, что я стала называть «словесье» (Волошин это называет «усталые слова»), то есть слова, говорящие о любви, но не выражающие чувства любви, говорящие о любовном страдании, но не выражающие силы любовного страдания. Это просто набор слов о любви – как стихи искусственного интеллекта. Я критично относилась к своему творчеству и понимала, что это не поэзия, – нужно было опуститься в тростниковой лодке к истокам любовной лирики, чтобы покопаться в этой теме, как в старых пыльных артефактах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.